

Оставь мир позади

Автор:

[Румаан Алам](#)

Оставь мир позади

Румаан Алам

Novel. Серьезный роман

Желая провести немного времени вдали от шумного города, Клэй и Аманда снимают домик на Лонг-Айленде и вместе с детьми отправляются в долгожданный отпуск. Настроенные на приятный отдых, они не заметят знаков, не почувствуют перемен, витающих в воздухе. Лишь когда ночью к ним в дверь постучатся незнакомцы, представившиеся хозяевами дома, и сообщат, что в Нью-Йорке случился блэкаут, а повсюду происходит что-то пугающее, Клэй и Аманда почувствуют неладное. Но могут ли они доверять этим людям? Что у них на уме? Кто они – угроза или спасение?

«Оставь мир позади» – гипнотизирующий роман о двух совершенно разных и чужих друг другу семьях, волею судьбы оказавшихся отрезанными от большого мира, в котором происходит что-то необъяснимое.

Румаан Алам

Оставь мир позади

© Новикова К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Симону и Ксавье

Любовь, как птичий щебет, продолжается,

Едва затихнут звуки бомб.

Билл Кэллехен, «Анджела»

1

НУ ЧТО Ж, СВЕТИЛО СОЛНЦЕ. Им казалось, это доброе предзнаменование – люди любую фигню превращают в примету. А попросту говоря, на небе не было облаков. Солнце находилось там же, где и всегда. Солнце, настойчивое и равнодушное.

Две дороги сливались в одну. Движение застопорилось. Их серая машина была как купол с собственным микроклиматом: кондиционер, подростковый запашок (пот, ноги, кожный жир), французский шампунь Аманды, шорох мусора, потому что он вечно тут валялся. Автомобиль был вотчиной Клэя, а тот был таким неряхой, что в машине скопились зернышки овса, осыпавшиеся с закупленных оптом батончиков мюсли, спортивный носок неизвестного происхождения, подписка-вкладыш на журнал «Нью-Йоркер», скомканный носовой платок, затвердевший от соплей, клочок белого пластика, отклеенный с обратной стороны лейкопластыря неизвестно когда. Детям вечно нужен пластырь, их розовая кожа лопается как у спелого фрукта.

Солнечный свет на руках успокаивал. Окна были затонированы защитным слоем, чтобы уберечь пассажиров от рака. По радио передавали новости про набирающий силу сезон ураганов, про шторма с причудливыми именами из предварительно утвержденного списка. Аманда выключила радио. Можно ли считать сексизмом, что за рулем был Клэй? Что Клэй вечно за рулем? Ну что ж, у

Аманды не было терпения к сопутствующим вождению таинствам чередования-сторон-улицы-для-парковки или техосмотра-раз-в-двенадцать-тысяч-миль. Кроме того, Клэй гордился всем этим. Он был профессором, и это, казалось, соотносилось с его увлечением полезными житейскими делами: увязывать старые газеты в пачки на переработку, разбрасывать химические гранулы по дорожке, когда становилось скользко, менять лампочки, прочищать забитые раковины миниатюрным вантузом.

Автомобиль был недостаточно новым, чтобы считаться роскошным, и недостаточно старым, чтобы считаться богемным. Транспортное средство среднего класса для людей из среднего класса, спроектированное скорее так, чтобы никого не оскорбить, нежели чтобы кого-то привлечь, купленное в автосалоне с зеркальными стенами, полусдвигшимися воздушными шариками и продавцами, числом превосходящими клиентов и болтающимися по двое или по трое, позвякивая мелочью в карманах брюк из магазина Men's Wearhouse. Иногда на парковке Клэй подходил к другому воплощению этой же машины (это была популярная модель в цвете графит), и смущался, когда система дистанционного открывания дверей не срабатывала.

Арчи было пятнадцать. Он носил уродливые кроссовки размером с буханку хлеба. От него пахло молоком, как от младенца, а еще – потом и гормонами. Чтобы скрыть эти запахи, Арчи распылял в кустики волос под мышками что-то химическое: аромат, не похожий ни на один естественный запах в природе, но, согласно мнению фокус-группы, соответствующий идеалу мужчины. Роуз была более аккуратной. Сень девушки в цвету[1 - Аллюзия на роман М. Пруста «Под сенью девушек в цвету»]: собака-ищейка, вероятно, сможет учуять металлический запах под слоем косметики для девочек: ох уж это подростковое пристрастие к искусственным яблокам и вишне. От них попахивало, от всех, но по шоссе нельзя ехать с открытыми окнами – слишком громко.

– Мне надо ответить, – Аманда подняла телефон вверх, словно предупреждая их, хотя никто ничего не сказал. Арчи смотрел в свой телефон, Роуз – в свой, оба в играх и одобренных родителями соцсетях. Арчи переписывался со своим другом Диллоном: два его отца пытались искупить свой идущий полным ходом развод и позволяли ему тратить лето, накуриваясь травой на верхнем этаже их браунстоуна[2 - Дом-таунхаус из коричневого камня, построенный на рубеже XIX–XX веков. Популярный тип застройки в Нью-Йорке.] на Берген-стрит. Роуз уже выложила кучу фотографий из поездки, хотя они едва пересекли границу округа.

– Привет, Джослин...

То, что телефоны знали, кто звонит, избавляло от вынужденной любезности. Аманда была менеджером по работе с клиентами, Джослин – руководителем группы и одной из трех ее непосредственных подчиненных, говоря языком современного офиса. Джослин родилась в Южной Каролине, но у нее были корейские корни, и Аманда никак не могла избавиться от ощущения, что расхлябанный акцент южных штатов не подходил этой женщине. Это было так по-расистски, что она никогда и никому не смогла бы в этом признаться.

– Мне так жаль беспокоить тебя... – прерывистое дыхание Джослин. Дело было не столько в том, что ее пугала Аманда, сколько в том, что власть сама по себе устрашала. Аманда начинала свою карьеру в студии темпераментного датчанина со стрижкой в форме тонзуры. Она как-то столкнулась с ним в ресторане прошлой зимой, и ее тут же начало мутить.

– Ничего страшного – Аманда не отличалась великодушием. Этот звонок был облегчением. Она хотела, чтобы коллеги нуждались в ней, как бог хочет, чтобы люди продолжали ему молиться.

Клэй постукивал пальцами по кожаному рулю и заработал за это косой взгляд жены. Он посмотрел в зеркало, чтобы удостовериться, что дети на месте, – привычка, сформировавшаяся со времен младенчества. Ритм их дыхания был ровным. Телефоны действовали на них, как толстенные дудочки факиров на кобр.

Никто из них толком не замечал ландшафта вдоль шоссе. Мозг управляет взглядом; в конечном итоге ожидания от чего-либо вытесняют то, чего ты ждешь. Желто-черные пиктограммы, бугорки-бордюры, сливающиеся со сборными бетонными стенами, изредка мелькающие многоуровневые развязки, железнодорожный переезд, бейсбольное поле, поднятый над землей бассейн. Аманда кивала во время звонка – не ради человека на другом конце телефонной линии, но чтобы доказать себе, что она вовлечена в разговор. Иногда за всеми этими кивками она забывала слушать.

– Джослин... – Аманда пыталась казаться мудрой. Джослин не нуждалась ни в участии Аманды, ни в ее согласии. Офисная иерархия – концепция произвольная, как и все остальное. – Хорошо. Думаю, это разумно. Мы только выехали на

скоростную магистраль. Можешь звонить, не переживай. Но когда отъедем подальше, связь будет пропадать. У меня была эта проблема прошлым летом, помнишь? – Она замолчала и смутилась; с какой стати ее подчиненной помнить планы прошлогоднего отпуска Аманды? – В этом году мы едем еще дальше! – Она превратила это в шутку. – Но ты звони или пиши на почту, все нормально. Удачи.

– Как там в офисе, все в порядке? – Клэй никогда не мог устоять перед искушением произнести слово «офис» с особой интонацией. Это была синецоха ее профессии в целом, как он ее по большей части – но не совсем – понимал. У супругов должна быть своя жизнь, и у Аманды она была, совершенно отличная от его. Возможно, это могло служить объяснением их счастья. Как минимум половина знакомых им пар была в разводе.

– Все в порядке.

Одна из прописных истин, к которым она прибегала чаще всего, заключалась в том, что некоторые должности были неотличимы друг от друга, поскольку все они подразумевали рассылку электронных писем с оценкой собственно работы. Рабочий день состоял из нескольких коммюнике по вопросам этого самого дня, кое-какой бюрократической вежливости, семидесяти минут ланча, двадцати минут хождения по опенспейсу, двадцати пяти минут на кофе. Иногда ее участие в этом спектакле казалось глупым, а иногда – очень важным.

Пробок было не так уж и много, но затем, когда шоссе превратилось в улицы, двигаться стало трудно. Сродни заключительному, самому сложному этапу возвращения лосося домой, только с пышно-зелеными разделительными полосами и мини-торговыми центрами с залитой дождем штукатуркой. Вокруг были либо городки синих воротничков, полные выходцев из Центральной Америки, либо процветающие города, населенные белым полусветом вроде слесарей, дизайнеров интерьеров и риелторов. Настоящие богачи жили в каком-то другом царстве, вроде Нарнии. В это царство можно было попасть, проследовав по дорогам с лежащими полицейскими до неизбежного конечного пункта, до тупика, до особняка с крышей из деревянной черепицы и видом на пруд. Воздух тут был сладким коктейлем из океанского бриза и счастливых случайностей, полезным для помидоров и кукурузы, а еще казалось, что можно уловить в нем нотку роскошных автомобилей, искусства и мягких тканей, которые богатые люди оставляют сложенными на диванах.

– Остановимся перекусить? – в конце фразы Клэй зевнул, вышел придушенный звук.

– Умираю от голода, – гипербола от Арчи.

– Давайте в «Бургер Кинг»! – Роуз заметила ресторан фастфуда.

Клэй почувствовал, как напряглась жена. Она предпочитала, чтобы они ели здоровую еду (особенно Роуз). Он умел улавливать ее неодобрение как эхолокатор. Оно напоминало набухание, которое предвещало эрекцию. Они были женаты шестнадцать лет.

Аманда ела картофель фри. Арчи попросил гротескное количество маленьких брикетов жареной курицы. Он вывалил их в бумажный пакет, перемешал с картофелем фри, вылил туда содержимое небольшой покрытой фольгой емкости со сладким и липким коричневым соусом и удовлетворенно жевал.

– Мерзость. – Роуз не одобряла своего брата, потому что он был ее братом. Она ела гамбургер менее утонченно, чем думала: майонез окаймлял ее розовые губы. – Мама, Хейзел кинула геолокацию – может, посмотрите и скажете, как далеко от нас ее дом?

Аманда вспомнила, что была шокирована тем, какими громкими младенцами были ее дети, когда она прикладывала их груди. Втягивание и сосание, похожие на звуки канализации, бесстрастная отрыжка и приглушенный метеоризм, словно неразорвавшийся фейерверк, животный и бесстыдный. Она отклонилась назад к телефону дочери, жирному от еды и пальцев, горячему от чрезмерного использования.

– Дорогая, он точно не может быть рядом с нами. – Хейзел была не подругой, а скорее одной из навязчивых идей Роуз. Роуз была слишком юна, чтобы это понять, но отец Хейзел был директором в «Лазарде»[З - Крупная консалтинговая компания.]; отпуска двух семей вряд ли были похожи.

– Ну посмотри. Ты же говорила, что мы, возможно, сможем туда съездить.

Она могла предложить что-то в этом роде, когда не особо вникала в разговор, и потом раскаивалась, потому что дети запоминали ее обещания. Аманда посмотрела на телефон. – Это Ист-Хэмптон, милая. Как минимум час. Больше часа, зависит от того, в какой день ехать.

Роуз откинулась на спинку сиденья с явным раздражением.

– Можно мне обратно телефон, пожалуйста?

Аманда повернулась и посмотрела на дочь, расстроенную и красную.

– Извини, но я не хочу проторчать два часа в летних пробках ради детского утренника. Не в собственном отпуске.

Девочка скрестила руки на груди: сердитая гримаса как оружие. Детский утренник! Она была оскорблена.

Арчи жевал, глядя на свое отражение в окне.

Клэй ел за рулем. Аманда была бы в ярости, если бы они погибли в аварии из-за того, что его отвлек сэндвич в семьсот калорий. Дороги сузились еще больше. Фермерские киоски – на принципе доверия: войлочные зеленые лотки-пинты, полные пушистой малины, плесневеющей от сока, и деревянный ящик для пятидолларовых банкнот – на некоторых съездах, отходящих от главной дороги. Все было таким зеленым, что откровенно говоря, немного сводило с ума. Эту зелень хотелось съесть: вылезти из машины, встать на четвереньки и впитаться в саму землю.

– Давайте подышим воздухом. – Клэй открыл все окна, изгоняя вонь своих пукающих детей. Он сбросил скорость, потому что дорога соблазнительно изгибалась, словно двигающееся туда-сюда бедро. Дизайнерские почтовые ящики как коды бродяг-хобо[4 - Знаки американских бездомных, служат для коммуникации друг с другом.]: хороший вкус и богатство, проезжайте мимо. За густыми деревьями ничего не было видно. Знаки предупреждали об оленях, тупых и привыкших к присутствию людей. Они уверенно расхаживали по улицам, косоглазые и поэтому подслеповатые. Повсюду были видны их трупы, орехово-коричневые и надутые смертью.

Они свернули за поворот и наткнулись на автомобиль. Арчи в возрасте четырех лет знал бы его название: это был прицеп на гусиной шее – огромное, пустое транспортное средство, которое тянул прилежный трактор. Водитель игнорировал машину позади с безразличием аборигена к знакомому инвазивному виду, пока прицеп пыхтел на холмах дороги. Только больше чем милю спустя он свернул к себе домой, и к этому моменту нить Ариадны или то, что связывало их со спутниками над головой, порвалась. Навигатор понятия не имел, где они, и им пришлось следовать указаниям, которые Аманда, адептка планирования, озаботилась записать в свой блокнот. Направо, затем направо, затем налево, затем налево, затем еще милю или около того, затем снова налево, затем еще две мили, потом направо, не совсем потерялись, но и не совсем не потерялись.

2

ДОМ БЫЛ КИРПИЧНЫЙ, ВЫКРАШЕННЫЙ В БЕЛЫЙ ЦВЕТ. В красном цвете, преображенном таким образом, было что-то заманчивое. Дом казался старым, но и новым. Массивным, но и легким. Возможно, таково было исконно американское желание, или же просто стремление нашего времени, – хотеть, чтобы дом, машина, книга, пара обуви объединяли в себе эти противоречия.

Аманда нашла место на Airbnb. «Идеальное место для побега от мира», – гласило объявление. Дружелюбная реклама-описание вызвала ее уважение. Войдите в наш прекрасный дом и оставьте мир позади. Она передала Клэю ноутбук, достаточно горячий, чтобы спровоцировать опухоли в ее брюшной полости. Он кивнул, сказал что-то неопределенное.

Но Аманда настояла на этом отпуске. Повышение в должности сопровождалось повышением зарплаты. Уже скоро Роуз растворится в презрительности, свойственной старшекласникам. Но в этот мимолетный момент дети все еще были скорее детьми, хоть Арчи и вымахал ростом около шести футов. Аманда могла если и не воссоздать, то хотя бы вспомнить высокий девчачий голос Арчи, пышечку-Роуз на уровне своего бедра. Банальность, но что ты вспомнишь на смертном одре: тот вечер, когда привела клиентов в старый стейк-хаус на Тридцать Шестой улице и справлялась об их женах, или же то, как вы плескались с детьми в бассейне и их темные ресницы были все в бусинках

хлорированной воды?

– Выглядит красиво. – Клэй заглушил двигатель. Дети отстегнули ремни безопасности, распахнули двери машины и выпрыгнули на гравий – ретивые, как Штази.

– Не уходите далеко, – сказала Аманда, хотя это был вздор. Уходить было некуда. Ну, может, в лес. Вот насчет болезни Лайма она беспокоилась. Это была привычка матери – вскользь давать указания. Дети давно перестали слушать ее ежедневные сетования. Гравий издавал звук гравия под кожаными лоферами Клэя.

– А как мы попадем внутрь?

– Тут есть сейф. – Аманда сверилась с телефоном. Сети не было. А они даже не были на дороге. Она подняла телефон над головой, но маленькие штрихи пойманной сети отказывались появляться. Она сохранила информацию заранее. – Сейф... на ограде, около обогревателя бассейна. Код шесть два девять два. Ключ внутри, он открывает боковую дверь.

Дом закрывала постриженная изгородь: чья-то гордость, она была как сугроб, как стена. Палисадник обрамлял забор из штакетника, белый, без тени иронии. Еще одна ограда, теперь уже из дерева и проволоки, окружала бассейн: с ней страховка была дешевле, а еще хозяева дома знали, что порой на этот привлекательный источник опасностей могут набрести олени, и если никого не будет дома пару недель, тупая скотина успеет утонуть, раздуться и лопнуть – устрашающее месиво. Клэй принес ключ. Аманда стояла в ошеломлении от слепополуденной влажности дня и прислушивалась к странному звуку почти полной тишины, по которому она скучала, или утверждала, что скучала, ведь они жили в городе. Было слышно гудение какого-то насекомого или лягушки, а может, их обоих, движение ветра сквозь листья, отзвук самолета или газонокосилки, или, может быть, это было движение машин по шоссе где-то далеко, и звук от него доносился, словно настойчивое биение волн, когда находишься близко к океану. Они не жили близко к океану. Нет, такого они себе позволить не могли, но почти могли слышать его, усилием воли, как справедливую награду.

– Ну вот и мы. – Клэй отпер дверь, озвучивая это непонятно зачем. Порой он так делал и со стыдом ловил себя на этом. В доме стояла тишина, свойственная дорогим домам. Тишина означала, что дом был добротным, массивным, что его органы работали в счастливой гармонии. Дыхание центрального кондиционера, бдительность дорогого холодильника, надежный интеллект всех этих цифровых дисплеев, почти синхронно отмеряющих время. В заранее запрограммированный час включится внешнее освещение. Дом, который почти не нуждался в людях. Полы из широких досок, добытые на старой ткацкой фабрике в Ютике, так плотно подогнанных, что не доносилось ни скрипа, ни стопа. Окна настолько чистые, что каждый месяц или около того какая-нибудь птица, промахнувшись, врезалась в них и погибала в траве со сломанной шеей. Тут побывали какие-то умелые руки, они закрыли жалюзи, выключили термостат, протерли каждую поверхность со спреем «Виндекс», прошли пылесосом «Дайсон» в расщелинах дивана, собрав кусочки органических чипсов из синей кукурузы и заблудившийся десятицентовик.

– Славно. – Аманда сняла обувь у входа; она была решительно убеждена, что обувь нужно снимать у входа. – Прекрасно.

Фотографии на сайте были обещанием, и обещание было выполнено: подвесные лампы, парящие над дубовым столом, на случай, если захочется собрать пазл посреди ночи, серый мраморный кухонный остров – сразу воображаешь, как будешь месить на нем тесто, двойная раковина под окном с видом на бассейн, плита с медным краном, чтобы можно было наполнить кастрюлю водой, не таская ее. Люди, которые владели этим домом, были достаточно богаты, чтобы все продумать. Она будет стоять у раковины, намыливая посуду, а Клэй на улице будет жарить мясо на гриле и пить пиво, внимательно следя за тем, как дети играют в жмурки в бассейне.

– Я за вещами. – Подтекст был ясен; Клэй собирался выкурить сигарету: грешок, который должен был быть секретом, но не был.

Аманда бродила по дому. Гостиная с телевизором, с французскими окнами, выходящими на террасу. Две маленькие спальни: одна цвета морской волны, другая темно-синяя, а между ними общая ванная. Чулан с пляжными полотенцами, стиральной машиной и сушилкой. К хозяйской спальне вел длинный коридор, обрамленный безобидными черно-белыми пляжными сценами. Даже если не брать в расчет хороший вкус, все было продумано: деревянный ящик, чтобы спрятать пластиковую бутылку со средством для стирки, огромная

ракушка – колыбель для куска мыла, еще упакованного в бумажную обертку. Хозяйская кровать размера кингсайз была такой массивной, что никогда не вписалась бы в пролет лестницы на третий этаж, где располагалась их квартира. Ванная, смежная со спальней, была полностью белой (плитка, раковина, полотенца, мыло, белая тарелка с белыми ракушками), словно фантазия о чистоте, предназначенная для того, чтобы ты мог сбежать от реальности собственных экскрементов. Необыкновенно, и всего за 340 долларов в день, плюс плата за уборку и возвращаемый депозит. Из спальни Аманда увидела своих детей, которые уже натянули быстросохнущую лайкру и понеслись в направлении безмятежной синевы. Арчи – длинные конечности и острые углы, на едва выпуклой груди у розовых сосков прорастают коричневые завитки, Роуз – пышненькая и активная, с детским пушком, ее лайкра в горошек натянута на ногах, но на промежность не давит. Издав вопль предвкушения, они с восхитительным плеском встретились с водой. Звук что-то потревожил в лесу – оно появилось в поле зрения на общем коричневом фоне: две толстые индейки, тупые и дикие, раздраженные вторжением. Аманда улыбнулась.

3

АМАНДА ВЫЗВАЛАСЬ СЪЕЗДИТЬ ЗА ПРОДУКТАМИ. Они проезжали мимо магазина, и она доехала туда по памяти. Она ехала медленно, стекла машины были опущены.

В магазине было холодно, ярко светили лампы, проходы были широкими. Она купила йогурт и чернику. Купила нарезанную индейку, цельнозерновой хлеб, зернистую горчицу цвета грязи и майонез. Купила картофельные чипсы, кукурузные чипсы и банку соуса с кинзой, хотя Арчи не ел кинзу. Купила органические хот-доги, и недорогие булочки, и такой же кетчуп, который покупали все. Купила холодные, крепкие лимоны, газированную воду, водку Tito's и две бутылки красного вина за девять долларов. Купила сухие спагетти, и соленое масло, и головку чеснока. Купила толсто порезанный бекон, и двухфунтовый пакет муки, и кленовый сироп за двенадцать долларов в граненой стеклянной бутылке, похожей на флакон низкопробных духов. Купила фунт молотого кофе, такого ароматного, что она чувствовала его запах через вакуумную упаковку, и кофейные фильтры 4-го размера из переработанной бумаги. А вам не все равно? Ей – не все равно! Она купила три упаковки бумажных полотенец, и солнцезащитный крем-спрей, и алоэ, потому что дети

унаследовали от отца бледную кожу. Купила стильные крекеры, которые выкладывают, когда приходят гости, и крекеры Ritz, которые всем нравились куда больше, купила рассыпчатый белый сыр чеддер, и хумус с добавлением чеснока, и палку жесткой салями, и морковь, которую чистят так усердно, что она становится размером с детские пальчики. Купила печенье из кондитерской Pepperidge Farm, и три пинты политически сознательного мороженого Ben&Jerry's[5 - Бренд неоднократно выражал свою политическую и общественную позицию, выпуская лимитированные вкусы мороженого.], и смесь для приготовления бисквитного торта Duncan Hines в коробке, а еще тубик шоколадной глазури, тоже Duncan Hines, с красной пластиковой крышкой – родительство научило ее, что в один из неизбежных дождливых дней отпуска можно скоротать часок, приготовив торт из коробки. Она купила два пухлых цукини, пакет сахарного горошка, букет капусты кейл, такой зеленой, что она выглядела почти черной. Она купила бутылку оливкового масла, и коробку пончиков Entenmann's с посыпкой, и связку бананов, и пакет белых нектаринов, и две пластиковые упаковки клубники, дюжину коричневых яиц, пластиковую коробку мытого шпината, пластиковый контейнер с оливками, несколько зеленых помидоров, завернутых в мятый целлофан, мраморно-зеленый и шокирующе оранжевый. Она купила три фунта говяжьего фарша и две упаковки булочек для гамбургеров, испачканных в муке, и банку солений местного производства. Купила четыре авокадо, и три лайма, и пучок испачканной в песке кинзы, хотя Арчи не ел кинзу. Вышло больше двухсот долларов, ну да ладно.

- Мне понадобится помощь.

Парень, что складывал покупки в коричневые бумажные пакеты, возможно, учился в старшей школе, а может быть, и нет. Желтая футболка, каштановые волосы, а сам он весь какой-то квадратный, как будто его вырезали из куска дерева. В том, как работали его руки, было что-то волнующее, но отпуск на то и отпуск – он возбуждает, в отпуске все кажется возможным, жизнь полностью отличается от той, которой ты живешь обычно. Она, Аманда, может быть мамочкой-искусительницей, посасывающей горячий юношеский язык на парковке супермаркета Stop & Shop. Ну или она может быть просто очередной женщиной из города, что тратит слишком много денег, покупая слишком много еды.

Мальчик, а может быть, уже мужчина, сложил сумки в тележку и последовал за Амандой на парковку. Он загрузил пакеты в багажник, и она дала ему пять долларов.

Двигатель работал на холостом ходу, она сидела в машине и проверяла, ловит ли сеть. Прилив эндорфинов от поступающих электронных писем – от Джослин, Джослин, Джослин, от директора их агентства, от одного из клиентов, два послания на весь офис от ведущего менеджера проекта – имел почти такой же сексуальный эффект, как трепет от парня-упаковщика.

На работе не происходило ничего важного, но приятнее было знать это наверняка, а не беспокоиться о том, не происходит ли. Аманда включила радио. Она смутно припомнила играющую песню. Она остановилась на заправке и купила Клэю пачку «Парламента». Они были в отпуске. Этой ночью, после гамбургеров, хот-догов, цукини на гриле, после мороженого, посыпанного печеньем, и, возможно, порезанной на ломтики клубникой, они, может быть, трахнутся – не займутся любовью, как дома: в отпуске люди трахаются, потные, влажные и соблазнительно незнакомые друг другу – на чужих простынях из Pottery Barn. Затем они выйдут на улицу, скользнут в бассейн с подогревом, позволят воде отмыть их дочиста, выкурят по сигарете и поговорят о том, о чем говорят люди, женатые так давно, как они: деньги, дети, горячечные мечты о недвижимости (как хорошо было бы иметь свой собственный дом вроде этого!). Или вообще ни о чем не будут говорить – еще одна прелесть долгого брака. Посмотрят телевизор. Она двинулась обратно в крашеный кирпичный дом.

4

КЛЭЙ ПОВЯЗАЛ ПОЛОТЕНЦЕ НА ТАЛИИ. Жест, открывающий двойные двери, был грандиозным сам по себе. Внутри было холодно, а на улице – очень жарко. Деревья были подрезаны, чтобы не бросать тень на бассейн. От всего этого солнца кружилась голова. Его влажные ноги оставляли следы на деревянном полу. Они исчезли за секунды. Клэй прошел наискосок через кухню и вышел через боковую дверь на улицу. Достал свои сигареты из бардачка, морщась от колкого гравия. Сел на лужайке перед домом в тени дерева и закурил. Ему следовало бы чувствовать себя плохо из-за этого, но табак был скрепой нации. Курение связывало его с самой историей! Это был акт патриотизма, во всяком случае когда-то, – как владеть рабами или убивать индейцев чероки.

Приятно было сидеть на улице почти голым, кожей ощущая солнце и воздух, напоминающие, что ты просто еще одно животное. Он мог бы сидеть и

полностью голым. Других домов рядом не было, не было признаков человеческой жизни, не считая фермерской палатки у дороги в полумиле от них. Когда-то они могли быть голыми все вместе: Арчи, сгусток косточек и смешков, сидящий в одной ванне с родителями, – но из такого вырастаешь, если только ты не хиппи.

Он не слышал, как дети плавают в бассейне. Дом между ними был не такой уж большой, но деревья поглощали шум, как вата – кровь. Клэй чувствовал себя в безопасности, любимым, обласканным, массив изгороди отрезал его от внешнего мира. Как будто наяву он вообразил Аманду, как она дрейфует на надувном матрасе и старается делать это с достоинством (дело сложное: даже уткам это почему-то не удается, покачивание на воде – это всегда смешно) и читает журнал Elle. Клэй развязал полотенце и откинулся назад. Трава покалывала спину. Он смотрел в небо. Не особо задумываясь об этом – но вроде как и задумываясь, – он заскользил правой рукой вниз по телу, нащупал пенис, холодный и сморщенный от воды. Отпуск – он возбуждает.

Клэй чувствовал себя легким, раскованным, хотя его и так сковывало немного. Ему нужно было написать рецензию на книгу для «Литературного обозрения “Нью-Йорк таймс”», и он привез с собой ноутбук. Требовалось всего девятьсот слов. Через пару часов он уложит семейство спать, наполнит стакан водкой со льдом и сядет на террасе без рубашки. Ноутбук будет освещать ночь, он будет курить сигареты, и мысли придут, а за ними – и девятьсот слов. Клэй был усердным, но еще (он знал это) немного ленивым. Он хотел, чтобы его просили писать для «Литературного обозрения “Нью-Йорк таймс”», но собственно писать ему ничего не хотелось.

У Клэя была постоянная ставка профессора, у Аманды – должность директора, но у них не было таких ровных полов и центрального кондиционера. Ключ к успеху заключался в том, чтобы иметь преуспевших родителей. Тем не менее на неделю они могли изобразить, что они тут хозяева. Его пенис, дрожа, дернулся к солнцу, как приветствие в йоге, а затем застыл, очарованный домом. Мраморные столешницы, стиральная машина Miele, и член Клэя полностью встал, навис над животом, как стрелка компаса.

Клэй виновато затушил сигарету. Он никогда не обходился без мятных леденцов или жевательной резинки. Он повязал полотенце вокруг талии и вошел в дом. Из-под столешницы выскользнуло мусорное ведро на роликах. Клэй поместил окурок под кран (что, если бы он сжег дом?) и закопал в мусоре. Стекланный диспенсер у раковины было наполнен лимонным мылом. Из окна было видно

семью. Роуз была занята какой-то своей игрой. Арчи подтягивался на трамплине, поднимая тощее тело к небу, – его костлявые плечи розовели, как полусырое мясо.

Иногда, глядя на семью, он чувствовал всепоглощающее желание что-то совершить для них. Я построю вам дом или свяжу вам свитер, чего бы мне это ни стоило. Нас преследуют волки? Я превращу свое тело в мост, чтобы вы могли пересечь овраг. Они были для него важнее всего, но, конечно, они этого не понимали, потому что таков родительский договор. Клэй нашел бейсбольный матч по радио, хотя бейсбол его не интересовал. Трансляция убаюкивала – все равно что слушать сказку на ночь. Клэй бросил две упаковки сырого мяса в большую миску – Арчи съест три гамбургера, – нарезал кубиками белый лук, смешал его с мясом, добавил щепотку соли и молотого перца, капнул вустерширского соуса, как капают духами на запястье. Он слепил гамбургеры и выложил их на тарелку. Клэй нарезал сыр на ломтики, разрезал булочки пополам. Полотенце сползло с талии, поэтому он смыл сырое мясо с рук и завязал потуже. Наполнил стеклянную миску картофельными чипсами и отнес еду на улицу. Каждый шаг ощущался знакомым, как будто он готовил летние ужины на этой кухне всю свою жизнь.

– Скоро ужин, – позвал он. Никто не принял этого к сведению. Клэй включил газ и щелкнул длинной зажигалкой, чтобы разжечь огонь. Полуголый, он занимался сырым мясом, думая, что в этот момент он, должно быть, похож на пещерного человека, на какого-то давно забытого предка. А кто сможет опровергнуть, что тот никогда не стоял на этом самом месте? Тысячелетия назад или даже несколько столетий, какой-то ирокез без рубашки и в набедренной повязке из шкур разжигал огонь, чтобы плоть от плоти его вкусила плоти. При мысли об этом он улыбнулся.

5

ОНИ ЕЛИ НА ТЕРРАСЕ НЕОДЕТЫЕ. Куча полотенец ярких цветов и бумажные салфетки в пятнах кетчупа. Гамбургеры размером с хоккейную шайбу внутри воздушного хлеба. Роуз была особенно падка на терпкие чары картофельных чипсов с уксусом. Крошки и жир на подбородке. Аманде нравилось, что Роуз все еще могла вести себя как маленькая девочка. Ее разум был одно, ее тело –

другое: дело было в гормонах из молока, или же в пищевой цепочке, или в водоснабжении, или же в воздухе, или кто знает в чем.

Было так жарко, что родители даже не отправили детей принять душ, прежде чем те плюхнулись на клетчатую обивку дивана всей тяжестью своих тел. Арчи худосочный – Роуз пышненькая: торчащие ребра и созвездие родинок – ямочки на локтях и мягкий подбородок. Роуз хотела посмотреть мультики, а Арчи был втайне рад этому: он тосковал по собственному детству! Его кожу покалывало от холода в кондиционированном помещении, незнакомый диван был мягким, его разум и речь, казалось, были невнятными и заторможенными от дневной жары или физического напряжения. Он слишком устал, чтобы подняться еще за одним гамбургером, остывшим, залитым кетчупом, который он съел бы на кухне, стоя на холодной плитке. Еще минутку, думал он, но тело ныло от голода после часов, проведенных в бассейне, или, может быть, его тело всегда чувствовало себя так после часов, проведенных взаперти в машине.

Аманда пошла принять душ. Разбрызгиватель был закреплен на потолке, и вода падала сверху как дождь. Она включила воду погорячее, чтобы смыть остатки солнцезащитного лосьона. Эта штука всегда ощущалась, как нечто смутно ядовитое, поэтому унция профилактики и все такое[6 - Цитата Б. Франклина. «Унция профилактики стоит фунта лечения»]. Волосы ее были ни короткие, ни длинные, без челки, которая придавала бы ей молоджавость того рода, который был не очень хорош в офисной среде. Два разных вида тщеславия шли вразрез – желание выглядеть профессионально было сильнее желания выглядеть женственно. Аманда знала, что соответствовала образу той женщины, которой являлась. Это можно было понять издалека. Посадка головы и осанка, одежда и внешний вид – все говорило о том, кто она такая.

Ее тело все еще хранило остаточное тепло от солнца. Вода в бассейне почти не принесла облегчения, она была тепловатая, как в ванне. Конечности Аманды казались отяжелевшими и одновременно великолепными. Она хотела лечь и провалиться в сон. Ее пальцы блуждали по тем участкам тела, где ощущения были лучше всего, ища не какого-то внутреннего удовольствия, но чего-то более интеллектуального: подтверждения того, что она, ее плечи, ее соски, ее локти – все это существовало. Какое чудо иметь тело – вещь, внутри которой находишься ты сам. Отпуск существовал для возвращения к собственному телу.

Аманда замотала волосы в белое полотенце, как женщины в фильмах определенного жанра. Намазала лосьоном кожу, натянула свободные хлопковые

брюки, в которых любила спать летом и старую футболку с логотипом, который уже ничего для нее не значил. Было невозможно отследить происхождение вещей, которыми они владели. Хлопковая футболка была так заношена, что просвечивала. Она чувствовала себя живой, и если не сексуальной, то чувственной; обещание имело больше значения, чем сама сделка. Она все еще любила его, без всякого, и он знал ее тело – прошло восемнадцать лет, конечно же знал, – но она была человеком и была бы не против чего-нибудь новенького.

Она выглянула из-за двери в гостиную. Ее дети на диване были похожи на одурманенных, откормленных одалисок. Ее муж склонился над телефоном.

– В постель через двадцать минут. – Аманда бросила на Клэя многозначительный взгляд, затем закрыла за собой дверь. Она выскользнула из штанов в прохладный перкаль кровати. Шторы не задернула – пусть смотрят: олени, совы, глупые нелетающие индейки – и восхищаются все еще впечатляющими широчайшими мышцами спины Клэя (он занимался греблей в Спортивном клубе Нью-Йорка два раза в неделю), в которые она любила погружать пальцы, вдыхая приятный запах его волосатых подмышек, аплодируя отработанным движениям его языка по ее телу.

Дом был слишком далеко от мира, чтобы предоставлять услугу сотовой связи, но там был Wi-Fi с нелепо длинным паролем (018HGF234WRH357XIO), чтобы помешать подключиться кому – оленям, совам, глупым нелетающим индейкам? Она постучала по стеклу, проговаривая пароль, произвольный набор символов как на спиритической доске или четках, после чего появилась связь, и письма посыпались одно за другим. Сорок одно! Она чувствовала себя такой необходимой, такой незаменимой, такой любимой.

В персональном аккаунте она прочла о распродажах, о том, что книжный клуб, в который она хотела вступить, запланировал осеннюю встречу, что в «Нью-Йоркере» написали о боснийском режиссере. В рабочем аккаунте были вопросы, заботы, люди нуждались в участии Аманды, ее мнении, ее руководстве. Все они получили автоматический ответ про ее отсутствие в офисе, солнечный и непререкаемый, но она нарушила собственное обещание выйти на связь после возвращения. Нет, не делайте X. Да, отправьте письмо Y. Спросите такого-то вот об этом. Просто напоминаю о том, что нужно повторно поговорить с этим человеком по этому поводу.

Руку начало покалывать от усилия, с которым она держала над собой слишком маленький телефон. Она перевернулась на живот. Простыни нагрелись от тела, поэтому переходное тепло, к которому прижалась ее вульва, было теплом ее собственного тела, и ерзанье в постели было актом мастурбации. Она чувствовала себя чистой и готова была ощутить себя грязной, но продолжала работать, развлекаясь чтением электронных писем, пока наконец не придет Клэй, пахнувший украдкой выкуренными сигаретами и дольками лимона, которые он добавлял в водку.

Тепло душа размягчило позвоночник, как комнатная температура растапливает ломтик масла. Эпизодические занятия йогой сделали ее более внимательной к своим костям. Она позволила им лечь как удобно. Разрешила себе отступить от своего обычного правила не заниматься самыми грязными вещами, которые они могли творить друг с другом. Позволила ему погрузить пальцы в ее волосы и крепко, но нежно прижать ее голову к подушке, ее горло стало проходом, пустотой, которую нужно заполнить. Позволила себе стонать громче, чем дома, потому что между ними и комнатами детей был длинный коридор. Двигала бедрами назад и вверх, чтобы встретить его рот, а потом – ощущалось как вечность, но прошло всего двадцать минут – взяла его опадающий пенис в рот, восхищаясь вкусом собственного тела.

– Господи, – хрипел Клэй.

– Тебе надо бросать курить, – она беспокоилась из-за сердечного приступа. Они были уже не так молоды. Любой матери приходила мысль о потере ребенка; у Аманды не осталось больше эмоций по поводу теоретической смерти мужа. Она бы снова полюбила, говорила она себе. Он был хорошим человеком.

– Да-да, – Клэй говорил не всерьез. В современной жизни осталось не так уж много удовольствий.

Аманда стояла, потягиваясь, счастливо-липкая, и сама хотела сигарету; эффект головокружения отвлечет ее от того, что они только что делали: это требуется после секса даже с родным человеком. Это была вовсе не я! Она открыла дверь, и ночь шокировала ее своим шумом. Сверчки или какие-то другие жуки, разные и возможно зловещие шаги по сухим листьям в лесу за лужайкой, незаметный, все шевелящий ветерок, а может, это даже растущие растения издавали звук, легчайший скрип, скрип ползущей вверх травы, сердцебиение дубовых листьев, налитых хлорофиллом.

У Аманды было чувство, будто за ней наблюдают, но за ней некому было следить, разве нет? Непроизвольная дрожь от самой идеи, затем отступление во взрослую иллюзию безопасности.

Они оба, голые, как неандертальцы, прокрались по террасе, единственный свет – луч, падающий через стеклянную дверь. Клэй поднял крышку с джакузи, и они погрузились в пену. Пар затуманил его очки, удовлетворенная чувственная ухмылка. Ее глаза привыкли к темноте. Отчетливо высветилась его бледная плоть. Она видела его таким, каким он был, но она любила его.

6

ХЛОПЬЯ НИКТО НЕ КУПИЛ. Арчи не столько хотел определенный вид хлопьев, сколько ощущения обработанных зерен, размягченных в молоке. Он зевнул.

– Извини, чемпион. Я приготовлю тебе омлет. – Его отец играл в глупую игру «я готовлю завтраки лучше всех». Хотя он и правда хорошо готовил – всегда добавлял масло в тосты, а затем клал их обратно в тостер, чтобы оно растаяло на хлебе, пока весь бутерброд не размякнет, словно кто-то уже его пожевал, – было что-то грустное в том, как он жаждал привлечь к этому внимание.

Аманда мазала спину Роуз солнцезащитным кремом. Телевизор был включен, но его никто не смотрел. Она вытерла руки о свои голые ноги и положила флакон в большую сумку.

– Роуз, ты что, возьмешь три книги? На один день на пляже?

– Нас не будет весь день. Что, если мне нечего будет читать?

– Сумка уже очень тяжелая...

Роуз не хотела хныкать, просто так получилось.

– Можешь положить их в эту сумку. – Клэй подумал, что любовь дочки к книгам хорошо отражается и на них. – Арчи, сможешь взять эту сумку?

– Мне нужно в туалет.

Арчи торчал перед зеркалом. Он был в своей футболке для лякросса, у которой он отрезал рукава, потому что хотел, чтобы люди видели его мускулы, и теперь оглядывал их, довольный увиденным.

– Давай быстрее, – крикнул Клэй сыну с раздражением, которое неизбежно влекла за собой эта расслабленность.

– Тут у меня ланч. И вода. И одеяло, и полотенца.

Аманда показывала на сумки, уверенная, что они все равно что-то забыли, как бывает с самыми продуманными планами.

– Да я понял, понял, – и еле слышное «Господи» про себя, куда более рефлексивное, чем он сам осознавал. Арчи взял сумку, которую отец оставил лежать у дивана. Она ничего не весила! Он был таким сильным.

Они вышли, загрузили вещи и свои тела в машину и пристегнулись. Навигатор сбился, не в состоянии определить местонахождение себя самого, их, да и всего остального мира. Не особо задумываясь об этом, Клэй нашел дорогу к шоссе, спутник вернул себе контроль над ними, и они поехали под его покровительственным взором. Шоссе превратилось в мост, который, казалось, вел в никуда, который вел к концу самой Америки. Они свернули на пустую парковку (было рано) и заплатили пять долларов одетому в хаки подростку, который, казалось, весь состоял из песка – золотые кудри, веснушки, загорелая кожа, зубы как ракушки.

От парковки к берегу вел туннель, который проходил мимо парка. Флагштоки возвышались, как секвойи, флаги стран стрекотали в воздухе океана.

– И что это? – Арчи был саркастичен, даже если сам того не хотел.

Они стояли в шлепках в маленьком каньоне из бетона, и Аманда прочитала надпись: «Посвящено жертвам рейса 800». Рейс Trans World Airlines летел в Париж. Никто не выжил. Иногда о погибших говорили «души», это звучало более грандиозно, или старомодно, или священно. Аманда вспомнила – адепты конспирологии говорили, что всему виной американская ракета, но логика подсказывала, что дело было в механической поломке. Мы можем делать вид, что это не так, но подобное случается.

- Пойдемте! – Роуз потянула за пляжную сумку, висящую на плече отца.

Было жарко, но ветер был неумолим, принося прохладу из пустоты океана. В нем было что-то арктическое, и кто мог бы поспорить, что в буквальном смысле это не так. Мир был огромен, но одновременно с этим – мал, и подчинялся логике. Аманда с трудом расправляла одеяло, найденное в интернете, раскрашенное неграмотными индийскими крестьянами. Она поставила по сумке в каждом углу, чтобы придавить эту штуковину.

Дети сбросили слои своих одежек и бросились бегом, словно газели. Роуз исследовала выброшенный на песок мусор, ракушки, пластиковые стаканчики и переливающиеся шарики, с которыми кто-то отмечал выпускные вечера и шестнадцатилетия во многих милях отсюда. Арчи сидел на коленях в песке немного в стороне от их места, делая вид, что не пялится на спасательниц, крепких девиц с выгоревшими на солнце локонами и в красных купальниках.

У Аманды был с собой роман с утомительной центральной метафорой, включавшей в себя птиц, она с трудом следила за тем, что в нем происходило. У Клэя была одна из тех книг, что он обычно читал: тонкая и неклассифицируемая критика того, как мы живем в наши времена. Такие вещи невозможно читать лежа голым на солнце, но прочитать нужно – для работы.

Его взгляд все время соскальзывал на девушек-спасателей. И взгляд Аманды тоже. Как было удержаться? Это куда менее утомительная метафора – что же еще встанет между тобой и смертью от рук природы, как не красивая молодость, плоский живот, соски размером с четвертак, накачанные бицепсы, безволосые ноги, смуглая кожа, сухие волосы, рты, доведенные ортодонтами до совершенства, лишенный сомнений взгляд за дешевыми пластиковыми очками от солнца?

Они ели бутерброды с индейкой и чипсы, которые все время ломались в пасте гуакамоле (порция поменьше, без резкого привкуса зелени, для обожаемого сына), затем арбуз, бодрящий и холодный. Арчи спал, а Роуз читала один из своих графических романов. Арчи проснулся и загнал отца в устрашающие волны. Аманда следила, чтобы не появились акулы, потому что слышала, что на этом пляже бывали акулы. Что сделает одна из этих подростков-спасательниц, если появятся акулы?

Это было приятно, это развлекало, это утомляло. Солнце не ослабевало, но ветер побеждал.

- Пора уходить.

Аманда упаковала пустые пластиковые контейнеры обратно в герметичный пакет, который нашла на кухне. Он был именно в том месте, куда любой убрал бы герметичный пакет (шкафчик под микроволновкой).

Роуз дрожала, и отец завернул ее в полотенце, как делал раньше, когда она была малышкой и выбиралась из ванны. Семья поплелась к своей машине, странным образом разбитая, и поехала обратно через мост.

- Там «Старбакс», - Аманда воодушевленно положила ладонь на правое предплечье мужа.

Он остановился на стоянке, и Аманда вошла внутрь. С подветренной стороны, там, куда не добирался бриз, воздух все еще был горячим. Кофейня оказалась такой же, какими обычно были все остальные заведения сети, и разве это не радовало? Фирменные цвета, эти надежные коричневые салфетки - в машине всегда был их запас, чтобы высморкаться зимой или протереть что-нибудь разлитое, - зеленые пластиковые трубочки, плотненькие поклонники, готовые платить по семь долларов за молочные коктейли со взбитыми сливками в стаканах размером со спортивные трофеи. Она заказала им черный кофе, хотя уже миновало три пополудни, и теперь ей не удастся уснуть допоздна, а может быть, и удастся, потому что близость океана всегда ее изнуряла.

Потом была беспорядочная очистка конечностей от песка с помощью шланга на заднем дворе. Арчи направил воду прямо на переднюю часть плавок, и его яйца облупились крошечными частичками налипших ракушек. Потом он решил, что

отмылся достаточно хорошо, и нырнул в бассейн. Поскреб кожу головы и почувствовал, как песок отклеивается и смывается водой.

Аманда вымыла ноги, а затем вошла в душ. Дом казался успокаивающе знакомым – меньше чем за двадцать четыре проведенных в нем часа. Она включила на компьютере подкаст – чтобы чем-то занять голову, она почти не обращала на него внимания – и снова намылила волосы, она терпеть не могла то, какими они становятся от соленой воды. Она оделась и нашла Клэя, который, насвистывая, ополаскивал контейнеры от песка.

– Сделаю пасту, – сказала Аманда.

– Дети в бассейне. Я сбегаяю в магазин и куплю хлопья для Арчи. – Он имел в виду, что сбегает в магазин, выкурит сигарету на парковке, зайдет внутрь, вымоет руки и вернется домой с едой на несколько сотен долларов. – Говорят, завтра может пойти дождь.

– Это почти что чувствуется. – В воздухе было обещание, а может быть, и угроза. Она принесла с собой компьютер на кухню, чтобы продолжить слушать подкаст. Поставила его на стойку.

– купишь что-нибудь сладкое? Типа... пирог. Возьми пирог. И, может, еще мороженое? – Накануне вечером, одуревшие после секса и джакузи, они вдвоем съели целое ведерко. – Может быть, помидоры. И еще один арбуз. Какие-нибудь ягоды. Не знаю, те, что хорошо выглядят.

Он поцеловал ее, что было непривычно, когда он уходил по простому делу, но приятно.

Окно означало, что она могла наблюдать за детьми, пока занималась чем-то другим. Она сняла цедру с лимона, бросила ее в размягченное сливочное масло, порубила чеснок и добавила его тоже. Она использовала кухонные ножницы, чтобы порезать петрушку, от нее пошел острый и удивительный запах. Она соединила все ингредиенты в густой соус. Горячая паста притупит вкус чеснока.

Она использовала кран над плитой, чтобы наполнить кастрюлю, раздобыла в кладовой поваренную соль, налила бокал красного вина. У нее забурлило в животе: красное вино после черного кофе. Вода закипела. Она отвлеклась. В

лесу на участке за бассейном Аманда увидела оленя, затем присмотрелась и увидела еще двух, поменьше. Мать и дети! Разве это не совпадение. Животные были осторожны, тыкались носами в мелколесье в поисках... а что ели олени? Она устыдилась своего невежества.

Слила воду из приготовленной пасты, бросила масло с зеленью в гнездо из макарон, закрыла крышку и распахнула стеклянную дверь. Воздух стал прохладнее. Пойдет дождь, или что-нибудь случится, и им придется провести следующий день в доме. Там были настольные игры, был телевизор, может, они посмотрели бы кино, в кладовой стояла стеклянная банка сушеной кукурузы: может, они сделают попкорн и будут валяться целый день.

- Пора в дом, ребята.

Арчи и Роуз были в джакузи, розовые, как лобстеры в кипятке.

Аманда настояла, чтобы дети помылись и избавились от запаха хлорки. Она налила себе еще один бокал вина. Клэй вернулся с поразительным количеством бумажных пакетов.

- Я немного переборщил. - Он выглядел смущенным. - Подумал, что может пойти дождь. Не хочу завтра выходить из дома.

Аманда нахмурилась, потому что чувствовала, что должна. Они не разорятся, если потратят на продукты немного больше, чем обычно. Или, возможно, дело в вине.

- Ладно-ладно. Убери все и давай есть? - Она не была уверена, что ее язык совсем чуть-чуть не заплетается.

Она накрыла на стол. Дети, благоухающие марципаном (Dr. Bronner's, в зеленой бутылке), сели. Уставшие, послушные, почти вежливые, без отрывки и обзываний, они были лучшими детьми. Арчи даже помог отцу убрать со стола, а Аманда лежала на диване рядом с Роуз, ее голова на теплых коленях ребенка. Она не собиралась засыпать, но уснула, полная вина и пасты и заскучавшая от болтовни телевизора. Аманда была озадачена, когда через двадцать минут ее разбудил особенно пронзительный рекламный ролик, а Роуз нужно было сходить по нужде. Во рту у нее пересохло.

– Хорошо выспалась? – Клэй дразнился, не настроенный на любовные игры (он был еще сыт), но романтичный – даже лучше или реже. Они организовали себе хорошую жизнь, не так ли?

Аманда разгадывала кроссворд «Нью-Йорк таймс» на телефоне – она боялась деменции и считала кроссворды ее профилактикой, – и время текло странно, как когда измеряется в минутах перед телевизором. Если накануне вечером ей хотелось проверить, как там работа, и трахнуть мужа, то сегодня вечером было важно задержаться на диване с детьми: с Арчи, осоловевшим в своем слишком большом свитшоте с капюшоном, с малышкой Роуз, завернутой в колючую шерстяную ткань, оставленную на подлокотнике дивана. Клэй принес миски с мороженым, затем забрал их, и посудомоечная машина заработала с успокаивающим бульканьем. Глаза Роуз были пусты, а Арчи внезапно громко зевнул, совсем как мужчина, и Аманда отправила детей спать, велев им почистить зубы, но не утруждаясь тем, чтобы убедиться в этом.

Она зевнула, достаточно усталая, чтобы лечь спать, при этом зная, что если она пошевелится, то не уснет. Клэй переключал каналы, сделав паузу на Рэйчел Мэддоу[7 - Американская телеведущая и политический комментатор.], а затем переключился на триллер о детективах и их добыче, за ходом которого никто из них не мог уследить.

– Телевидение – это идиотизм. – Клэй выключил телевизор. Лучше бы он поиграл в телефон. Он бросил лед в стакан. – Хочешь выпить?

Аманда покачала головой.

– С меня хватит.

Она еще не знала, какой выключатель за что отвечает. Щелкнула одним из них, и бассейн и территория за ним осветились: чистые белые лучи пробивались сквозь зеленые ветки над головой. Она выключила свет, вернув все вокруг во тьму, которая казалась правильной, казалась естественной.

– Мне надо попить воды, – сказала или подумала она и пошла на кухню. Она наполняла стакан из «ИКЕА», когда услышала царапанье, шаги, голос – что-то странное или неправильное. – Ты это слышал?

Клэй что-то пробормотал; на самом деле он не слушал. Он проверил кнопки сбоку телефона, чтобы убедиться, что звук выключен.

– Это не я.

– Нет. – Она сделала глоток. – Это было что-то другое.

Вот оно снова: шарканье, голос, тихий шепот, присутствие. Нарушение, изменение. Нечто. На этот раз Аманда была более уверена. Ее сердце забилося чаще. Она почувствовала себя трезвой, проснувшейся. Поставила свой стакан на мраморную стойку, тихо – внезапно ей показалось правильным двигаться незаметно.

– Я кое-что слышала, – прошептала она.

В такие моменты она призывала Клэя. Он должен был быть мужчиной. Он не возражал. Может, ему это нравилось. Может, это заставляло его почувствовать себя нужным. Из дальней части коридора он почти мог слышать Арчи, храпевшего, как спящий пес.

– Наверняка это просто олень в палисаднике.

– Это что-то, – Аманда подняла руку, чтобы заставить его замолчать. Во рту появился металлический привкус страха. – Я знаю, я что-то слышала.

Он был там, его невозможно было отрицать: шум. Кашель, голос, шаг, колебание, неопределимое животное осознание, что поблизости есть еще кто-то одного с тобой вида, и напряженная пауза, чтобы понять, несет ли этот кто-то зло. Раздался стук в дверь. Стук в дверь этого дома, хотя никто, даже глобальная система позиционирования, не знал, что они в нем были, в этом доме недалеко от океана, но затерянном в полях, в этом доме из выкрашенного в белый цвет красного кирпича – материала, который выбрал самый умный поросенок, потому что такой дом защитит его лучше всего. Раздался стук в дверь.

ЧТО ИМ БЫЛО ДЕЛАТЬ?

Аманда замерла – инстинкт жертвы. Соберись с мыслями.

– Возьми битую. – Старое доброе решение: насилие.

– Битую? – Клэй не понял. – Битую?

Потом до него дошло, но где взять битую? Когда он в последний раз держал ее в руках? Была ли у них дома бейсбольная бита, а если и была, взяли ли они ее с собой в отпуск? Нет. И когда они решили забросить это истинно американское развлечение? В прихожей на Болтик-стрит у них имелся склад зонтов разной степени поломанности, запасной скребок для лобового стекла, клюшка Арчи для лякросса, какие-то проспекты, которые они никогда не просили, пачка купонов из непромокаемого пластика, который никогда не разложится. Ну, лякросс пришел от индейцев, возможно, он был более исконно американским. На консоли, под фотографией Кони-Айленда в рамке, был хитросплетенный, маленький и закрученный медный предмет, что-то вроде сделанной в Китае безделушки, призванной добавить душевности в гостиничные номера или образцовые апартаменты. Он поднял ее, но оказалось, эта штука ничего не весила. Да и опять же, что бы он с ней сделал, обхватил пальцами и ударил незнакомца по голове? Он же профессор.

– Не знаю. – ее шепот был создан для сцены. Без сомнения, кто бы ни был по ту стороны двери, он ее услышал. – Кто это может быть?

Это было нелепо.

– Не знаю, – Клэй положил маленький арт-объект обратно на место. Искусство не могло их защитить.

В дверь снова постучали. На этот раз мужской голос:

– Извините. Ау?

Клэй не мог представить, что убийца может быть таким вежливым.

– Ничего. Я разберусь.

– Нет! – у Аманды появилось ужасное ощущение-вспышка, предчувствие, что сейчас произойдет что-то плохое, или что придет паранойя, если плохого не произойдет. Это было ей совсем не по душе.

– Давай просто успокоимся. – Возможно, он бессознательно транслировал поведение, которое видел в фильмах. Он смотрел на свою жену, пока она, казалось, не успокоилась, как это делали дрессировщики со своими львами, с помощью доминирования и зрительного контакта. Он не совсем верил в это. – Возьми телефон. Просто на всякий случай.

Это было решительно и умно; он гордился, что подумал об этом.

Аманда пошла на кухню. Стол, беспроводной телефон, номер начинается с 516[8 - Телефонный код штата Нью-Йорк.]. На ее веку беспроводные телефоны успели пройти путь от инновации до устаревания. У них дома такой тоже еще был, но им никто никогда не пользовался. Она взяла трубку. Что, если она нажмет кнопку, нажмет девять, потом один, а потом будет ждать?

Клэй отпер замок и распахнул дверь. Чего он ожидал?

Вопрошающий свет на крыльце осветил мужчину: черного, красивого, хорошо сложенного, хотя, возможно, немного низковатого, лет за шестьдесят, с теплой улыбкой. Забавно, как быстро глаз смог это считать: неопасный, или безобидный, или мгновенно обнадеживающий. Он был в помятом пиджаке, ослабленном галстук, полосатой рубашке и коричневых брюках, что носит каждый мужчина старше тридцати пяти. Он поднял руки в жесте, который был либо успокаивающим, либо говорил: «Не стреляйте». К его возрасту черные мужчины становились искусны в этом жесте.

– Мне очень жаль вас беспокоить, – он звучал так, как редко звучат люди, которые произносят эти слова: искренне. Он знал, как разыграть свои карты.

– Здравствуйте? – Клэй сказал это так, словно отвечал на телефонный звонок. Открыть дверь для нежданного гостя – это не имело прецедентов. В городской жизни им мог быть только парень, что пришел доставить коробку с «Амазона»,

да и то он должен был сначала позвонить. – Привет?

– Мне очень жаль вас беспокоить, – голос мужчины был хрипловатым, солидным, как у ведущего новостей. Он знал, что это качество помогало ему звучать более искренне.

Рядом, позади мужчины, была женщина, тоже черная, тоже неопределенного возраста, в льняной юбке свободного кроя и жакете.

– Нам очень жаль, – поправила она, и «нам» выделила курсивом; прозвучало настолько отработанно, что она, должно быть, была его женой. – Мы не хотели вас напугать.

Клэй засмеялся, как если бы эта идея была нелепой. Испуганный, он не испугался. Она была похожа на женщину, которая могла появиться в рекламе лекарства от остеопороза.

Аманда задержалась между прихожей и кухней за колонной, как будто это давало некоторое тактическое преимущество. Ее все это не убедило. Возможно, стоит позвонить 911. Преступниками могут быть и люди в галстуках. Она не пошла запирать двери детской спальни: что она за мать?

– Я могу вам помочь? – Люди ведь говорят что-то вроде этого в таких обстоятельствах? Клэй понятия не имел.

Мужчина прочистил горло.

– Нам так жаль вас беспокоить, – в третий раз, как заклинание. Он продолжил: – Я знаю, что уже поздно. Стук в дверь, в такой глуши. – Он представлял, как будет развиваться беседа. Он отрепетировал свою роль.

Теперь подхватила женщина:

– Мы не могли решить, куда стоит постучать: в главную или боковую дверь. – Она засмеялась, чтобы показать, как это было абсурдно. Ее голос увлекал, намекал на взятые давным-давно уроки ораторского искусства. Отголосок Хепберн, который звучал как аристократизм. – Я подумала, это не так вас

напугает...

Клэй принялся слишком активно возражать:

- Ничего пугающего, просто неожиданно.

- Конечно-конечно. - Мужчина ожидал этого. - Я сказал, нам надо попробовать постучать в боковую дверь. Там стекло, вы бы увидели нас и поняли, что мы просто... - Он умолк, пожал плечами, словно говоря «Мы не собираемся причинять вам вред».

- А вот я подумала, что это может показаться более странным. Или страшным. - Женщина попыталась поймать взгляд Клэя.

Этот их едва ли не унисон казался очаровательным, почти как в комедии, как у Пауэлла и Лой[9 - Голливудские актеры, в фильмах часто играли семейную пару.]. Адреналин Клэя вылился в раздражение.

- Мы... можем вам как-то помочь? - Он даже не слышал их машину, если они приехали на машине, а как бы еще они здесь оказались?

Клэй сказал «мы», поэтому Аманда вышла в прихожую, сжимая телефон в руке, как ребенок - любимую плюшевую игрушку. Вероятно, они заблудившиеся автомобилисты, или у них спустило колесо. Бритва Оккама и все такое.

- Привет, - она выдавила что-то похожее на радушие, будто бы она ждала их.

- Добрый вечер, - мужчина хотел подчеркнуть, что он джентльмен. Это было частью плана.

- Вы напугали нас. Мы никого не ждали, - Аманда была не против это признать. Она рассчитывала, что это может дать ей преимущество. Подумала, что это скажет им: «Это наш дом, что вам нужно?»

Дул ветер и походил на хор голосов. Деревья покачивались, их кроны отчаянно склонялись вниз. Гроза надвигалась или уже разразилась где-то вдалеке.

Женщина дрожала. Ленная одежда не могла ее согреть. Она казалась жалкой, пожилой, неподготовленной. Она была умна, она рассчитывала на это.

Клэй невольно чувствовал себя злым или грубым. Женщина была достаточно пожилой, чтобы годиться ему в матери, хотя его собственная мать давно умерла. Хорошие манеры были тем инструментом, который помогал справляться с такими странными моментами.

– Вы застали нас врасплох. Но что мы можем для вас сделать?

Черный мужчина посмотрел на Аманду, и его улыбка стала еще теплее.

– Что ж, вы, должно быть, Аманда. Правильно? Аманда. Простите, но... – Бриз кружил вокруг них, проникал сквозь летнюю одежду. Он назвал ее по имени в третий раз, потому что знал, что это подействует.

– Аманда, как вы думаете, мы можем войти внутрь?

8

УЗНАВАТЬ ЛЮДЕЙ БЫЛО ОДНИМ ИЗ ТАЛАНТОВ АМАНДЫ. Она покупала коктейли для аппаратчиков из Миннеаполиса, из Колумбии и Сент-Луиса, которые ей платили. Она помнила, кто есть кто, и спрашивала об их семьях. Это было предметом ее гордости. Она смотрела на гостя и видела только черного мужчину, которого никогда раньше не встречала.

– Вы знаете друг друга! – Клэй успокоился. Бриз поднял дыбом волосы на его ногах.

– Мы не имели удовольствия встретиться лицом к лицу, – мужчина владел приемами продавца: в конечном счете, он им и был. – Я Д. Х.

Эти буквы ничего для нее не значили. Аманда не могла понять, не пытается ли он что-то произнести по буквам.

- Джордж. - Женщине показалось, что имя будет звучать более человечно, чем инициалы, а это был тот самый момент, когда им нужно было казаться человечными. Никогда не знаешь, у кого есть оружие и кто готов постоять за себя. - Он Джордж.

Он думал о себе как о Джордже. Он говорил о себе как о Д. Х.

- Джордж, точно, я Джордж. Это наш дом.

Владение чем-либо было юридической категорией, и Аманда сама себя ввела в заблуждение. Она-то делала вид, что это их дом!

- Простите?

- Это наш дом, - повторил он. - Мы переписывались - про дом? - Он пытался говорить твердо, но в то же время и мягко.

И тут Аманда вспомнила: GHW@washingtongroupfund.com - размытую официальность этих инициалов. Дом был удобным, но достаточно безликим, чтобы она не удосужилась попробовать представить себе его владельцев, и теперь, видя их, она знала, что если бы все-таки удосужилась, картина оказалась бы неправильной. Этот дом не казался ей местом, в котором могли бы жить черные. Но что она под этим подразумевала?

- Это - ваш дом?

Клэй был разочарован. Они платили за иллюзию собственности. Они были в отпуске. Он закрыл дверь, оставив мир снаружи, там, где ему и место.

- Нам очень жаль беспокоить вас. - Рут все еще держала руку на плече Джорджа. Ну, они были внутри: это уже что-то.

Почему Клэй закрыл дверь, пригласил этих людей в дом? Это было очень в его духе. Он всегда хотел заниматься житейскими делами, но не был полностью готов к ним. Аманде нужны были доказательства. Она хотела рассмотреть документы на ипотеку, удостоверение личности с фотографией. Эти люди в неопрятной одежде могли быть... ну, они больше походили на евангелистов, чем

на преступников, на полных надежды памфлетистов, что приходят свидетельствовать об Иегове.

- Вы нас немного напугали!

Клэй был не прочь признаться в собственной трусости, раз уж она миновала. «Немного» не считается, а еще, что важно, это была их вина.

- Боже мой, так резко стало холодно.

- О да, - Д. Х. не хуже других умел предсказывать, как поведут себя другие люди. Но на это требовалось время. Они оказались внутри. Только это и имело значение. - Летняя гроза? Может, пройдет мимо.

Четверо взрослых стояли неуклюже, как в последние минуты ожидания перед оргией.

Аманда злилась на них всех, и больше всего на Клэя. Она дернулась, уверенная, что кто-нибудь из этих людей сейчас предъявит пистолет, нож, требование. Хотела бы она по-прежнему держать телефон в руках, хотя кто знает, сколько времени потребуется местной полиции, чтобы добраться до их прекрасного дома в глубине леса. Она даже ничего не сказала.

Д. Х. был готов. Он подготовился заранее, попытался угадать, как эти люди могут отреагировать.

- Я понимаю, как это должно быть странно для вас, что мы вот так заявляемся без предупреждения.

- Без предупреждения. - Аманда изучила эти слова, и они не выдержали тщательного рассмотрения.

- Видите ли, мы бы позвонили, но телефоны...

Они бы позвонили? У этих людей был ее номер?

- Я Рут.

Она протянула руку. Каждая пара распределяла труд по силам, даже или особенно в такие моменты. Ее задача была пожимать руки, быть милой и успокоить этих людей, чтобы они смогли получить то, что хотели.

- Клэй. - Он пожал ей руку.

- А вы Аманда. - Рут улыбнулась.

Аманда взяла незнакомку за ухоженную ладонь. Если мозоли означали честный труд, то подразумевала ли мягкость рук нечестность?

- Да, - сказала она.

- А я, опять же, Д. Х. Приятно познакомиться, Клэй.

Клэй пожал руку Д. Х. с большим усилием, чем делал обычно, точно стараясь ему что-то доказать.

- И Аманда, приятно встретиться лично.

Аманда скрестила руки на груди.

- Да. Хотя должна признаться, я совсем не ожидала встречи с вами.

- Нет, разумеется, нет.

- Может, нам стоит... присесть?

Это был их дом, что Клэй мог поделаться?

- Было бы здорово. - У Рут была улыбка жены политика.

- Присесть? Да. Хорошо. - Аманда пыталась намекнуть на что-то мужу, но одного взгляда было недостаточно. - Может быть, на кухне. Но нужно быть потише, дети спят.

– Дети. Конечно. Надеюсь, мы их не разбудили. – Д. Х. должен был догадаться, что будут дети, но, может быть, это помогло в их ситуации.

– Арчи может проспять ядерный взрыв. Я уверен, у них все в порядке. – Клэй, как обычно, шутил.

– Думаю, я просто пойду их проверю. – Аманда была холодна как лед и старалась дать им понять, что у нее имелась привычка время от времени поглядывать, как там спящие дети.

– Они в порядке. – Клэй не мог взять в толк, что она задумала.

– Я просто схожу проверить их. Почему бы тебе не... – она не знала, как закончить эту мысль, поэтому не стала утруждаться.

– Давайте присядем, – Клэй указал на табуреты у кухонного островка.

– Клэй, я должен объяснить. – Д. Х. взял на себя это мужское бремя, как задачу по аренде автомобилей для поездок за город. Он думал, что другой муж сможет его понять. – Как я уже сказал, я бы позвонил. Вообще-то мы пытались, но сети не было.

– Мы останавливались недалеко отсюда пару лет назад, – Клэй хотел подчеркнуть, что немного владел местной географией. Что он знал, каково это – иметь загородный дом. – Большую часть времени невозможно поймать сеть.

– Это правда, – сказал Д. Х. Он сел, положил локти на мрамор, наклонился вперед. – Но я не уверен, что сейчас происходит именно это.

– Как это? – Клэй почувствовал, что должен им что-то предложить. Но были ли они гостями? Или гостем был он? – Могу я предложить вам воды?

В темном коридоре Аманда использовала телефон в качестве фонарика. Убедившись, что Арчи и Роуз все еще существуют, затерянные в не тронутых заботами детском сне, она пряталась вне поля зрения в попытке расслышать, что они там обсуждают, и пытаясь активировать телефон. Она смотрела на него, как в зеркало, но оно не узнавало ее – может быть, в коридоре было слишком

темно, чтобы распознать лицо, – и он не ожил.

Аманда нажала кнопку «Домой», и экран засветился, показывая ей оповещение: трудночитаемый логотип «Нью-Йорк таймс» в форме буквы «Т» и всего несколько слов: «Блэкаут[10 - От англ. blackout – системная авария энергосистем, сопровождаемая массовым отключением электричества.]на Восточном побережье США». Она ткнула в оповещение, но приложение не открылось, был виден только белый экран думающей машины. Специфический привкус раздражения. Она не могла злиться, но злилась.

– Сегодня вечером мы были на симфонии, – Д. Х. находился в разгаре своего объяснения. – В Бронксе.

– Он член правления филармонии... – Супружеская гордость, ничего не поделаешь. Они с Джорджем верили в то, что нужно отдавать что-то миру. – Это побуждает людей проявлять интерес к классической музыке... – Рут вдалась в излишние объяснения.

Аманда вошла в комнату.

– Дети в порядке? – Клэй не понимал, что это было только притворство.

– Они в порядке. – Аманда хотела показать мужу свой телефон. У нее не было новостей, кроме этих восьми слов, но это было хоть что-то и давало некоторое преимущество перед этими людьми.

– Мы ехали обратно в город. Домой. А потом что-то случилось.

Он не пытался быть неопределенным. Даже в машине они с Рут не говорили об этом, потому что боялись.

– Блэкаут, – триумфально произнесла Аманда.

– Как вы узнали? – Д. Х. был удивлен. Он ожидал, что придется объяснять. Всю дорогу они не видели снаружи ничего, кроме тьмы, а затем свет из их собственного дома, льющийся сквозь деревья. Они не могли в это поверить, это не имело смысла, но им было плевать на смысл. Свет давал облегчение и

безопасность.

– Блэкаут? – Клэй ожидал худшего.

– Мне пришло оповещение. – Аманда достала из кармана телефон и положила его на стол.

– И что там пишут? – Рут хотела больше информации. Она видела это собственными глазами, но ничего не знала. – Говорят из-за чего?

– Только это. Блэкаут на Восточном побережье, – она снова посмотрела на телефон, но оповещение пропало, и она не знала, как к нему вернуться.

– На улице ветрено. – Клэй чувствовал, что причинно-следственная связь была очевидна. – Сейчас сезон ураганов. Об урагане новостей не было?

Аманда не могла вспомнить.

– Отключение электричества, – Д. Х. кивнул. – Так мы и подумали. Мы живем на четырнадцатом этаже.

– Погасли бы все светофоры. Начался бы хаос. – Рут не хотела вдаваться в подробности. Город был настолько неестественным, насколько это возможно: нарост из стали, стекла и капитала – и свет был основой его существования. Город без электричества был похож на нелетающую птицу, ошибку эволюции.

– Блэкаут? – Клэй чувствовал себя так, словно подсказывает слово тому, кто его забыл. – Произошел блэкаут. Вроде ничего ужасного.

Аманда на это не купилась. Это не было похоже на правду.

– Кажется, здесь свет горит.

Конечно, она была права. Тем не менее все четверо посмотрели на подвесные лампочки над кухонным островом, словно в ожидании гипноза. Электричество никак нельзя объяснить, ни его наличие, ни его отсутствие. Были ли ее слова проявлением гордыни? Ветер ударил в окно над раковиной. Сразу после этого

свет начал мигать. Не один раз, не дважды; четыре раза, как сообщение на языке Морзе, которое они должны были расшифровать – но в итоге свет выровнялся, удержал курс, отогнал ночь. Все четверо сделали резкий вдох; все четверо выдохнули.

9

– ИИСУСЕ, – произносить имя Господа все было богохульством, а еще бессмыслицей. Иисусу не было дела до Клэя, но электричество не отключилось. Клэй уже представил, как Аманда и та другая женщина (как ее звали?) закричат. Может, было и нехорошо – уравнивать женственность со страхом. Ему пришлось бы урезонивать их – ветреная ночь, медвежий угол Лонг-Айленда. Мир так велик, что большая его часть так или иначе дистанционна. Слишком долго живя в городе, об этом легко забыть. Электричество было чудом. Они должны быть благодарными.

– Все в порядке, – сказал себе и своей жене Д. Х.

– Значит, случился блэкаут, и вы проделали весь этот путь сюда?

Аманда не могла этого понять. Манхэттен был так далеко. В этом не было никакого смысла.

– Эти дороги – они нам знакомы. Я даже не раздумывал. Мы увидели, как погас свет, и я посмотрел на Рут. – Д. Х. не знал, как он объяснит то, что и сам не совсем понимал.

– Мы думали, что сможем остаться, – сказала Рут. Нет смысла ходить вокруг да около. Рут всегда была прямолинейна.

– Вы думали, что останетесь... здесь? – Аманда знала, эти люди чего-то хотят. – Но здесь же мы.

– Мы знали, что нельзя ехать в город. Знали, что не сможем подняться четырнадцать пролетов. Вот мы и поехали сюда и подумали, что вы сможете нас

понять.

– Конечно, – Клэй понял.

Аманда посмотрела на мужа.

– Он имеет в виду, конечно, мы понимаем... – Она и правда понимала? Что, если это был какой-то обман? Совершенные незнакомцы, пробравшиеся в этот дом, в их жизнь.

– Я понимаю, это неожиданно. Но, может быть, вы сможете... Это наш дом. Мы хотели быть в нашем доме. В безопасности. Пока не выясним, что там происходит. – Д. Х. был честен, но все равно было ощущение, что он что-то продает.

– Хорошо, что у нас был бензин, – кивнула Рут. – Честно говоря, не знаю, как далеко мы смогли бы уехать.

– Разве нет отелей... – Аманда старалась не грубить, но она знала, что это прозвучало грубо. – Мы ведь арендовали этот дом.

Клэй обдумывал это. Он начал что-то говорить. Они его убедили.

– Конечно! Вы арендовали этот дом. – Д. Х. знал, что они заговорят о деньгах, потому что большинство разговоров в конце концов приходят именно к ним. А деньги были его коньком. Проблемой они не были. – Мы, разумеется, могли бы вам кое-что предложить. Мы понимаем, как это неудобно.

– Знаете ли, мы в отпуске, – Аманда думала, что «неудобно» – слишком мягкое слово. Оно ощущалось как эвфемизм. То, что он так быстро добавил к нему деньги, казалось еще более нечестным.

У Д. Х. были тронутые серебром волосы, черепаховые очки, золотые часы. У него была харизма. Он уселся на своем стуле повыше.

– Клэй. Аманда. – Он научился этому в бизнес-школе (в Кембридже): когда нужно прибегать к именам. – Я абсолютно готов вернуть вам ваши деньги.

– Хотите, чтобы мы уехали? Посреди ночи? У меня дети спят. А вы просто приходите сюда и начинаете говорить о возврате денег? Мне нужно позвонить в компанию, вы вообще имеете право так делать? – Аманда пошла в гостиную за компьютером. – Может быть, на сайте есть номер телефона...

– Я не говорил, что вам нужно уезжать! – Д. Х. засмеялся. – Мы можем вернуть, скажем, пятьдесят процентов от того, что вы заплатили? Вы знаете, это дом на две семьи. Мы остановимся внизу.

– Пятьдесят процентов? – Клэю понравилась перспектива менее дорогого отпуска.

– Я действительно думаю, что нам следует ознакомиться с условиями... – Аманда открыла ноутбук. – Конечно, сейчас он не работает. Может, нужно сбросить Wi-Fi?

– Дай мне попробовать. – Клэй потянулся к компьютеру жены.

– Мне не нужна твоя помощь, Клэй. – Ей не понравился подтекст, намекающий на ее неспособность. Они оба были близки к молодежи: Клэй – к студентам колледжа, Аманда – к своему ассистенту и младшему персоналу. Они оба подвергались этой унижительной инверсии: смотреть, собирать, подражать – как малыши, играющие в переодевание. Когда достигаешь определенного возраста, так ты и учишься – либо осваиваешь новые технологии, либо они осваивают тебя. – Нет связи.

– Мы слышали систему экстренного вещания. – Рут считала, что это многое объясняло. – Я решила включить радио. «Это система оповещения о чрезвычайной ситуации», – ее тон не был насмешливым, он был полон убежденности, с нужными ударениями и интонациями. – Не «учебная тревога». Понимаете? Не «Это учебная тревога». Такое сообщение я раньше слышала, поэтому сначала даже не обратила внимания, но потом продолжила слушать и слышала это снова, снова, снова: – «Это система оповещения о чрезвычайной ситуации».

– Чрезвычайной ситуации? – Аманда пыталась быть логичной. – Ну конечно, отключение электричества – это своего рода чрезвычайная ситуация.

– Конечно. Это одна из причин, по которой мы решили, что будет лучше просто поехать домой. Там, снаружи, может быть небезопасно, – Д. Х. продолжал свою мысль.

– Что ж, у нас есть договор аренды, – Аманда прибегла к закону. Ладно, в данный момент этот документ хранится где-то в киберпространстве: на полке, до которой им не дотянуться. Кроме того, все происходящее каким-то необъяснимым образом заставляло ее чувствовать себя не в своей тарелке.

– Позвольте? – Д. Х. отодвинул табурет и подошел к столу. Он вынул ключи от машины из кармана пиджака и отпер ящик. Достал конверт вроде тех, что выдают в банке, и отсчитал наличные внутри. – Мы могли бы сейчас отдать вам тысячу долларов – за эту ночь? Это бы покрыло почти половину того, что вы заплатили за неделю, я думаю?

Клэй старался сдержаться, но он всегда чувствовал себя по-особенному взволнованным при виде больших денег. Ему захотелось их посчитать. То есть конверт все это время лежал в ящике на кухне? Ему захотелось курить.

– Тысячу долларов?

– Там, снаружи, чрезвычайная ситуация, – Рут хотела им это напомнить. Ей казалось аморальным платить им, но ничего иного она не ожидала.

– Вам решать. – Д. Х. знал, как убеждать людей. – Конечно. Мы были бы очень признательны. Могли бы показать вам, насколько мы благодарны. А завтра мы узнаем немного больше. Разберемся во всем.

Он не обещал, что они уедут, что было важно.

Клэй не оставлял в покое компьютер жены, который ей выдали на работе:

– Кажется, ответа нет.

Его намерения были чисты. Он хотел быть тем, кто покажет им, что Земля все еще вертится и люди все еще фотографируют свои коктейли «Апероль Спритц» и строчат в «Твиттере» злобные посты о плохо работающей системе

общественного транспорта. Через несколько минут после того, как было выпущено экстренное сообщение, какой-то бесстрашный репортер, вероятно, во всем разобрался. Все еще был слышен ветер, который Клэй винил в происходящем. В конце концов всему обычно находится невинное объяснение.

- Тем не менее. Думаю, одна ночь...

- Возможно, нам стоит обсудить это наедине. - Аманда не хотела оставлять этих людей без присмотра.

- Разумеется. Конечно. - Д. Х. кивнул, как будто это было самое разумное решение. Он положил пухлый конверт на стол.

- Ну да. - Клэй был взволнован. Он не знал, что тут обсуждать, помимо этой пачки денег. - Может, мы просто отойдем в другую комнату?

- Слушайте, вы не против, если мы выпьем?

Клэй покачал головой.

Д. Х. снова воспользовался ключами, отпер высокий шкафчик рядом с раковиной. Порылся внутри.

- Мы сейчас вернемся. Чувствуйте себя...

Аманда не закончила предложение, потому что это показалось глупым.

10

В ХОЗЯЙСКОЙ СПАЛЬНЕ БЫЛО ПРОХЛАДНО, или это они принесли с собой холод.

- Почему ты сказал им, что они могут остаться? - Она была зла. Клэй думал, что это совершенно очевидно.

- Произошло отключение электроэнергии. Они испугались. Они старые, – это слово он прошептал, чувствуя, что подчеркивать это неуважительно.

- Это же незнакомые люди, – сказала она, словно он был идиотом. Неужели никто никогда не предупредил Клэя насчет незнакомых людей?

- Ну, они же представились.

- Они просто постучали в дверь посреди ночи. – Аманда не могла поверить, что они всерьез говорят об этом.

- Ну это лучше, чем если бы они просто вломилась в дом... – Разве это было не их право?

- Они напугали меня до усрачки. – Теперь страх прошел, и Аманда могла его признать. Это было оскорблением. До чего же наглые эти люди – напугать ее!

- Меня они тоже напугали. – Клэй снижал накал. Все было позади. – Но, думаю, они сами немного напуганы. Они не знали, что им еще делать.

Психотерапевт, к которому они когда-то давным-давно ходили, уговаривал Аманду не злиться, когда у Клэя не получалось действовать так, как действовала бы она сама. Людей нельзя винить за то, кем они являются! Тем не менее она его винила. Клэя слишком легко увлечь, он не был готов постоять за себя.

- Пожалуйста, вариант. Поехать в отель.

- Это их дом. – Казалось, эти красивые комнаты принадлежали Аманде и Клэю, но это было не так. Приходится это уважать, подумал Клэй.

- Но мы арендовали его, – Аманда все еще шептала. – И что скажут дети?

Клэй не мог представить, что скажут дети или скажут ли они вообще хоть что-то. Детей заботило только то, что непосредственно их касалось, и они не позволяли мало чему себя касаться. Присутствие незнакомых людей могло бы привести к тому, что они будут лучше себя вести, но даже на это не стоило

рассчитывать. Дети могут ссориться, ругаться, рыгать, петь, и не имеет значения, кто может их услышать.

- Что, если они убьют нас? - Аманда чувствовала, что ее муж отвлекся.

- Зачем им убивать нас?

На это было труднее ответить.

- А зачем кто-то кого-то убивает? Я не знаю. Сатанинский ритуал? Какой-то странный фетиш? Месть? Не знаю!

Клэй рассмеялся.

- Они здесь не для того, чтобы нас убить.

- Ты что, не читаешь новости?

- А это было в новостях? Пожилые черные убийцы бродят по Лонг-Айленду и охотятся на ничего не подозревающих отпускников?

- Мы не попросили никаких доказательств. Я даже не слышала, как подъезжает их машина, а ты?

- Я не слышал. Но там ветрено. Мы смотрели телевизор. Может быть, мы просто не слышали?

- А может быть, они прокрались сюда от дороги. Чтобы... не знаю. Перерезать нам глотки.

- Думаю, нам нужно просто успокоиться...

- Тут какой-то подвох.

- Думаешь, они отправили тебе на мобильный телефон фальшивые новостные оповещения? Они более изощренные преступники, чем я предполагал.

– Это просто кажется какой-то импровизацией, вот и все. И это подозрительно. Они хотят остаться здесь, с нами? Мне это не нравится. Роуз спит здесь, в конце коридора. Незнакомый мужчина. Что, если он проникнет к ней... Я даже не хочу думать об этом.

– Однако ты не думаешь, что он может надругаться над Арчи. Аманда, послушай себя.

– Она девочка, ясно? Я мать, я должна их защищать. И мне просто не нравится, как все это звучит. Я даже не думаю, что это их дом.

– У него были ключи.

– Это да, – она понизила голос еще больше. – Что, если он присматривает за этим домом? Что, если она горничная? Что, если это просто какой-то развод, а отключение электричества или что там случилось – просто совпадение? – Ей было, по крайней мере, закономерно стыдно за ее предположение. Но эти люди не были похожи на тех, кто может владеть таким красивым домом. А вот убирать его они могли.

– Он вынул конверт из того ящика.

– Ловкость рук. Откуда ты знаешь, что ящик был заперт? Может, он просто позвенел ключами.

– Не могу понять, какой им прок с того, что они отдадут нам тысячу долларов. – Аманда взяла телефон, чтобы погуглить мужчину. Название сайта washingtongrouppfund.com казалось слишком невнятным: вероятно, это сайт мошенников. Телефону было нечего ей предложить. Но ее дочь спала в конце коридора! – Кроме того, он кажется мне знакомым. Ну правда.

– А я никогда его раньше не видел.

– У тебя ужасная память на лица. – Клэй никогда не узнавал учителей их детей и часто на улице случайно проходил мимо давних соседей, не здороваясь. Она знала, что ему нравилось думать, что это оттого, что он погружен в свои мысли, хотя на самом деле он просто был невнимателен. – Я не верю в эту чушь про

систему экстренного оповещения. Мы же только что смотрели телевизор!

- Это как раз просто. - Клэй прошелся по короткому коридору. Он направил пульт на экран, закрепленный на стене. Он слегка надеялся (чуть больше, чем слегка), что там окажется порно. Оно внесло бы в ситуацию определенную перчинку, но технологии поддавались ему с трудом - нужно было заставлять телевизор и компьютер сотрудничать. Телевизор засветился. Экран горел пустым цифровым синим светом.

- Это странно.

- Ты на рабочем канале?

- Смотрел его сегодня утром. Думаю, он не работает.

- Но это не система экстренного вещания. Может быть, спутник отключился. Наверное, из-за ветра. - Аманда не собиралась позволять себя убедить, потому что чувствовала, что эти люди как раз и пытаются это сделать. Они были неискренни.

- Хорошо, это глюк. Но они сказали, что слышали оповещение по радио. Одно другое не опровергает.

- Почему ты так стараешься верить всем, кроме собственной жены?

- Я просто пытаюсь тебя успокоить. Я не говорю, что не верю тебе, но... - Он колебался. Он ей не верил.

- Тут что-то происходит.

Разве это не сюжет «Шести степеней отчуждения»[11 - Фильм 1993 года. По сюжету молодой чернокожий парень-мошенник входит в дом состоятельной пары, представившись другом их детей, и становится их гостем.]? Они с Клэем впустили этих людей, потому что те были чернокожими. Это был способ заявить, что они не верят, что все чернокожие - преступники. Хитрый чернокожий преступник мог бы воспользоваться этим!

– Или они напуганные старики, которым нужен ночлег. Мы отправим их восвояси утром.

– Я ни за что не смогу уснуть с незнакомцами в доме!

– Да ну, – Клэй действительно удивился. Может быть, тысяча долларов была уловкой, или в доме было что-то дороже этого. Он не мог мыслить ясно.

– Я думаю, что видела его раньше, говорю тебе.

Аманда чувствовала раздражение, как когда не получается вспомнить какое-то слово. Что, если это убийство из мести? Мужчина, которым она пренебрегла много лет назад.

Клэй знал, что у него плохо с лицами. И еще он знал, что, возможно, в некотором роде у него было особенно плохо с черными лицами. Он не собирался говорить: «Они для меня все на одно лицо», но ведь были доказательства, реальные, биологические, научные доказательства того, что люди более успешны в распознавании людей одной с ними расы. Типа, это же не расизм – признать, что миллиарды китайцев, вероятно, выглядели для него более похожими друг на друга, чем для самих китайцев.

– Я не думаю, что мы знаем его, и я не думаю, что он собирается нас убить. – Тут была заноза сомнения, острая как иголка. – Я думаю, нам нужно позволить им остаться. Это правильный поступок.

– Я хочу увидеть доказательства. – Она не имела права выдвигать такое требование. – То есть у нас ведь тоже есть ключи! Может, они его снимали перед нами.

– Это их загородный дом. Он не будет указан в их водительских правах. Я поговорю с ними. Если у меня возникнет плохое предчувствие, мы скажем: нет, извините, нам некомфортна такая ситуация. Но если я ничего плохого не почувствую, думаю, мы позволим им остаться. Они же старые.

– Хотела бы я иметь твою веру в людей. – Аманда на самом деле вовсе не завидовала этому качеству Клэя.

– Это правильный поступок. – Клэй знал, что это сработает: его жене было важно – может, и не поступать высокоморально, но быть человеком, который так поступил бы. В конце концов, мораль – это тоже тщеславие.

Аманда скрестила руки на груди. Она была права в том, что не знала всей истории, как и Клэй, как и люди на кухне, и младший редактор, который, увидев новость, выпустил предупреждение, которое получили люди с установленным на телефон приложением «Нью-Йорк таймс». Ветер был сильный, да даже если бы он и не был сильным, они, вероятно, находились слишком далеко от траектории воздушных маршрутов, чтобы услышать, как первые самолеты поворачивают к побережью, согласно протоколу в подобной ситуации.

– Будем добрыми самаритянами. – Клэй выключил телевизор и встал, решив не упоминать о тысяче долларов в этот момент.

11

УТРО ЭТОГО ДНЯ КАЗАЛОСЬ ТАКИМ ДАЛЕКИМ, как история о ком-то другом, которую кто-то рассказал Клэю. Он почти что видит те пляжные полотенца, сушившиеся на перилах снаружи, – они были словно щипок, который нужно себе поставить, когда думаешь, что спишь. Аманда последовала за ним, они вышли в кухню к этим незнакомцам, которые расхаживали по ней, словно хозяева, и возможно, ими и были.

– Я приготовил напитки. Мне показалось, это будет кстати. – Д. Х. указал на стакан в руке. – Наш личный погребок. Буду рад поделиться им с вами.

Мужчина оставил шкафчик приоткрытым, и Клэй заметил внутри несколько бутылок виски Oban, вино, дорогую текилу в фарфоровом сосуде. Он же осматривал кухню. Он это пропустил или шкаф был заперт?

– Знаете, можно и выпить.

Д. Х. наполнил бокал.

– Вам со льдом?

Клэй покачал головой и взял предложенный стакан. Он присел у кухонного островка.

– Прекрасно, спасибо.

– Это самое малое, что мы можем сделать! – Мужчина невесело рассмеялся.

Повисла временная тишина, как будто они решили почтить память умершего.

– Прошу меня извинить, – сказала Рут.

– Конечно. – Клэй не знал, что от него требовалось. Она не спрашивала у него разрешения, да он и не вправе был его давать.

Аманда смотрела, как женщина выходит из комнаты. Она налила себе бокал вина, которое открыла ранее, потому что не была уверена, чем еще заняться. Ее вино, вино, за которое она заплатила. Она села рядом с мужем.

– Какой красивый дом. – Что за бред сейчас затевать светский разговор.

Д. Х. кивнул.

– Нам нравится. Я рад слышать, что вам тоже.

– Вы давно здесь? – Аманда пыталась устроить допрос, надеялась поймать его.

– Купили его пять лет назад. Потратили довольно много времени на ремонт, почти два года. Зато теперь это наше пристанище. Наш дом вдали от дома.

– А где вы живете в городе? – Клэй тоже умел участвовать в светских разговорах.

– На Парк-авеню[12 - Здесь и далее – улицы и авеню на Манхэттене.], между Восемьдесят первой и Восемьдесят второй улицами. А вы?

Клэй был утрашен. Верхний Ист-Сайд – не крутое, но все же священное место. А может, оно настолько не крутое, что было по-своему крутым. Они так давно не переезжали, что он разучился разбираться в рынке недвижимости, в этом местном виде спорта. Тем не менее он бывал в апартаментах на Парк-авеню, верхней Пятой авеню, Мэдисон. Они всегда казались нереальными, как в каком-то фильме Вуди Аллена.

– Мы живем в Бруклине. Кэрролл Гарденс.

– Вообще-то Коббл-Хилл, – сказала Аманда. Она подумала, это будет респектабельнее. Лучший ответный выпад на его адрес в центре города.

– Думаю, именно там сейчас все хотят жить. Люди помоложе. Я полагаю, у вас больше места, чем у нас.

– Что ж, у вас есть это место, здесь, за городом, – сказала Аманда, напоминая ему о том, что, как она считала, было прикрытием.

– В основном поэтому мы и купили дом здесь. Выходные, праздники. Выбираться из города на свежий воздух. Он тут совсем другой.

– Мне нравится, как вы все тут устроили. – Аманда погладила столешницу, как будто она была домашним животным.

– У нас был отличный подрядчик. Много всяких мелочей придумал именно он.

Вернувшись из ванной, Рут остановилась в гостиной включить телевизор. Экран светился винтажным оттенком синего из какой-то более простой технологической эпохи, белые буквы важно сообщали: «Система оповещения о чрезвычайной ситуации». Раздался гудок, затем тихое шипение, звук чего-то, не имевшего звука, затем еще один гудок. Они все продолжались, эти гудки. Не было ничего кроме гудков, ровных, но не обнадеживающих. Остальные трое вошли в гостиную, чтобы убедиться в этом самим.

– Итак, никаких новостей, – сказала Рут, в основном самой себе.

– Вероятно, это просто проверка системы экстренного вещания, – Аманда была настроена скептически.

– Если бы это было так, было бы написано, – сказала Рут. Это был здравый смысл. – Вы же видите.

Они все видели.

– Смените канал. – Клэй сохранял веру. – Мы как раз смотрели какое-то шоу!

Рут пролистала все доступные каналы: 101, 102, 103, 104. Потом быстрее: 114, 116, 122, 145, 201. Все синие экраны, везде те же бессмысленные слова. «Вот тут у нас система экстренного вещания».

– Я уверен, ничего страшного. – Клэй посмотрел на встроенные полки с книгами по искусству и старыми настольными играми. – Нам бы сказали больше, если бы было что сказать. – В силу самого факта.

– Спутниковое телевидение такое ненадежное. Но было невозможно заставить их протянуть кабель так далеко, так что это единственный вариант. – Рут хотела, чтобы дом был подальше от всех и вся. Это она написала объявление на Airbnb, и она верила в свои слова. Лучшим в этом месте было то, что оно находилось вдали от остального мира.

– Чтобы его сбить, хватит и ветра. – Д. Х. сел в одно из кресел. – Дождя. Трудно поверить, что дождь может повлиять на спутники. Но это правда так.

Клэй пожал плечами.

– Итак, возникла чрезвычайная ситуация. И чрезвычайная ситуация состоит в том, что в Нью-Йорке нет электричества. Но у нас оно по-прежнему есть, даже если нет телевидения или интернета. Так что от этого нам должно стать легче, я полагаю? Вы были правы, уехав за город – там, должно быть, творится полный бардак.

Аманда в это не верила, но тоже задумалась. Не следует ли наполнить ванну водой? Найти батарейки, свечи, припасы?

– Думаю, вам нужно остаться здесь на ночь. – Клэю хватило доказательств. –
Завтра разберемся, что происходит.

Аманде нечего было сказать про систему экстренного оповещения.

– Отключение электричества может что-то значить. Может быть знаком чего-то
большого. – У Рут было девять минут на то, чтобы все обдумать, и она хотела
высказаться. – Это может быть последствием какой-то катастрофы. Это мог быть
терроризм. Это могла быть бомба.

– Не стоит нам давать разыгрываться воображению. – Рот Клэя был сладким от
напитка.

– Бомба? – недоверчиво переспросила Аманда.

Д. Х. не хотел просить, но был вынужден сделать это.

– Послушайте, мне жаль доставлять вам неудобства, но мы не ужинали. Съели
только немного сыра и крекеров перед концертом.

Их вечеринка – вечеринка ли? – вернулась на кухню. Клэй достал из
холодильника остатки пасты, все еще в кастрюле. Он внезапно осознал, какой
бардак царит в помещении, как основательно и неряшливо они тут устроились,
словно у себя дома.

– Давайте что-нибудь съедим, – он сказал это так, как будто это была его идея.
Преподаватели это умели: улавливать случайные пронизательные комментарии
во время занятия и превращать их в факты.

Рут обратила внимание, что в раковине полно грязной посуды. Она сделала вид,
что ей не противно.

– Грязная бомба на Таймс-сквер? Или какие-то скоординированные нападения на
электростанции? – Она никогда не считала себя человеком с хорошим
воображением, но теперь вошла во вкус. Это звучало как паранойя, но только
если она ошибалась. Достаточно вспомнить о том, что было совершено и забыто
за время их жизни – да даже за последнее десятилетие.

– Нам не стоит строить домыслы, – Д. Х. говорил разумные вещи.

Кто-то оставил щипцы внутри кастрюли. Металл был холодным на ощупь. Клэй наполнил пастой четыре миски и по очереди разогрел их в микроволновке.

– Где в Нью-Йорке находятся электростанции? – В жизни было столько всего неизвестного даже такому умнику, как он. Клэй казалось, что в этом кроется чудо или некий смысл. – Думаю, они должны быть в Квинсе. Или у реки?

– Какой-то парень взрывает чемодан на Таймс-сквер. Его друзья делают то же самое на электростанциях. Синхронизированный хаос. Даже «Скорая помощь» не сможет проехать по улицам, если весь свет погаснет. Есть ли в больницах генераторы? – Рут взяла миску с пастой. Она не знала, что еще делать, поэтому она ела. А еще она была голодна. Паста была слишком горячей, но вкусной, и она не могла понять, почему это будило в ней недовольство. – Вы очень добры.

Аманда случайно чавкнула. Она внезапно почувствовала жуткий голод. Чувственные удовольствия напоминают тебе, что ты жив. Помимо этого, ее голод подпитывало и то, что она много выпила.

– Не за что.

Д. Х. чувствовал, как еда влияет на химические процессы у него в организме.

– Очень вкусно, спасибо.

– Это соленое масло. – Аманда почувствовала необходимость объяснить, потому что было неясно, была ли она гостем или хозяином. Ей нравилась ясность в отношении роли, которую ей предстояло играть. – То, европейское, в форме цилиндра. Это очень простой рецепт.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Аллюзия на роман М. Пруста «Под сенью девушек в цвету».

2

Дом-таунхаус из коричневого камня, построенный на рубеже XIX–XX веков. Популярный тип застройки в Нью-Йорке.

3

Крупная консалтинговая компания.

4

Знаки американских бездомных, служат для коммуникации друг с другом.

5

Бренд неоднократно выражал свою политическую и общественную позицию, выпуская лимитированные вкусы мороженого.

6

Цитата Б. Франклина. «Унция профилактики стоит фунта лечения».

7

Американская телеведущая и политический комментатор.

8

Телефонный код штата Нью-Йорк.

9

Голливудские актеры, в фильмах часто играли семейную пару.

10

От англ. blackout – системная авария энергосистем, сопровождаемая массовым отключением электричества.

11

Фильм 1993 года. По сюжету молодой чернокожий парень-мошенник входит в дом состоятельной пары, представившись другом их детей, и становится их гостем.

12

Здесь и далее – улицы и авеню на Манхэттене.

Купить: https://tellnovel.me/alam_rumaan/ostav-mir-pozadi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)